ГОРЯЧАЯ ТЕМА

Дмитрий Косырев,
политический обозреватель
РИА Новости,
специально для газеты «Россия»

Вперед в прошлое

Экспертный мир ощущает отсутствие внешнеполитического контента

Российских экспертов не видно на множестве крупных международных конференций, на которых обсуждаются очертания завтрашнего мира и создается общая политика. Таков был смысл реплики Игоря Юргенса, главы Института современного развития, на 17-й ассамблее Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), прошедшей в минувшие выходные в подмосковных «Лесных далях».

На той же неделе, когда созывалась ассамблея (ежегодный слет практически всей верхушки российской внешнеполитической мысли), в Стамбуле проходил форум Альянса цивилизаций. Россия была там представлена небольшой официальной делегацией. Среди как бы между делом высказанных в Стамбуле мыслей — сегодня время международных конференций. Об этом, кстати, говорили многие эксперты на СВОП.

Почему же на таких встречах действительно не видно россиян? Почему большая часть обсуждавшихся в Стамбуле тем — из тех, по которым россиянам нечего сказать? Почему на своих внутренних площадках мы продолжаем обсуждать такие фантомы прошлого, как холодная война и жесточайшее противостояние с Америкой, выведенные вдруг в актуальное настоящее?

Первая из причин — печальное состояние российского экспертного сообщества. Не то чтобы оно обезлюдело. Но одна из проблем России — языковой барьер. Как только речь заходит о тех, кто свободно говорит на двух-трех языках, полностью в курсе всех ведущихся в мире по разным поводам дискуссий, — так мы понимаем: таких буквально несколько человек «тяжелой артиллерии». Все это — результат хаоса в «мозговых центрах», среди которых есть развалины старых академических институтов и фантомы новосозданных. И почти все — нищие, неспособные привлечь, удержать и посылать на важные форумы нужное число специалистов. Вторая причина — что населяет эти развалины и фантомы слишком много «западников» и все меньше полноценных специалистов по арабскому миру, по Индии, Китаю. Это тенденция, обратная мировой. Россия в результате теряет шанс на осмысленную политику в тех частях света, которые становятся ключевыми и отталкивают с авансцены американо-европейский Запад. Третья причина — кризис в медийной сфере. Политический класс любой страны зависит от поступления к нему ежедневной осмысленной информации об окружающем мире от СМИ. Рынок медиа в России последовательно уничтожает международную информацию, вымывает квалифицированные кадры. Последние из умных международников превращаются в динозавров, в тоске наблюдающих за полуграмотными редакторами, искренне не способными оценить важность тех или иных происходящих в мире процессов.

На ассамблее СВОП некоторые выступающие говорили о «демодернизации» России, произошедшей в 90-е и в нашем десятилетии. Внешнеполитическое сообщество оказалось тоже жертвой этого процесса.

ИТАР-ТАСС

ПРИСУТСТВИЕ РОССИЙСКИХ ГОЛУБЫХ КАСОК В ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ СТАЛО ЗНАКОВЫМ ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ. РОССИЙСКИЕ МИРОТВОРЦЫ В БОСНИИ. 1996 ГОД

БЕСЕДЫ С СОЦИОЛОГОМ

«У России нет постоянных союзников, есть постоянные ценности»

У россиян свое особое отношение к Западу

Что думают россияне о международных делах? Как относятся к другим странам? Какой видят роль страны в глобальной политике? Ответы на эти вопросы — в новом интервью из серии «Беседы с социологом», которые ведет обозреватель «России» Дмитрий ПЕТРОВ с директором группы ЦИРКОН Игорем ЗАДОРИНЫМ.

Железный занавес телевизора

— Сегодня внимание наших людей сосредоточено главным образом на внутренних хозяйственных делах. Однако Россия — страна европейской культуры, член глобального сообщества. Как видят россияне ее место на мировой арене? В чем разница в их отношении к жизни страны и событиям за ее пределами?

— Эта разница огромна. Ее причина в том, что отношение к вопросам внутренней жизни все-таки может опираться на личный опыт человека. Восприятие состояния страны связано и с оценкой состояния личного кошелька, и с ситуацией на работе, с состоянием домов, в которых человек живет, и улиц, по которым ходит и ездит. Все это он видит не только на экране телевизора, но и в своей жизни. И естественно, соотносит слова журналистов и лидеров государства со своим собственным опытом. С тем, хорошо мы живем или плохо, что происходит в селе или городе, как дела в соседних регионах, где и какие цены на товары и т. п.

А с событиями вне страны большинство людей лично никак не связаны. Загранпаспорта есть только у 12 миллионов человек. «Железный занавес» давно поднят, а ездят за рубеж, по разным оценкам, 5—7% граждан России. И в этой ситуации отношение к мировым событиям и вообще к другим странам принципиально формируется внешними источниками информации.

— То есть отношение людей к миру формируют СМИ?

— Да. Причем для очень многих россиян оно сформировано еще советскими СМИ, советской пропагандой. Вспомним: в то время люди, читая газеты, чаще интересовались не отчетами о пленумах или о выполнении планов по удоям и угледобыче, а разделом «Международная жизнь». Все-таки про то, как «там», писалось интереснее, может быть, страшнее, но интереснее. И журналисты-международники — Валентин Зорин, Александр Каверзнев и Александр Бовин были гораздо популярнее тех, кто писал очерки о внутренней жизни.

Ну как там – в мире?

Этот вопрос из фильма «Москва слезам не верит» хорошо показывает, чем мы тогда больше интересовались. А ответ на него «Стабильности нет — террористы опять захватили самолет» во многом до сих пор точно отражает действительность.

У массового советского человека был сформирован ясный образ внешнего мира. И в чем-то он остался прежним. А в чем-то существенно изменился, в том смысле, что просто потерялся. Прежними остались «вероятные противники»: на Западе — НАТО, на Востоке — Китай (хотя он называется уже реже) и главный враг — США. А вот с друзьями проблема.

Советский человек точно знал: у СССР есть враги, но и много друзей — Болгария, ГДР, Куба, Вьетнам, Эфиопия... Сейчас он их почти не видит. Их можно сосчитать по пальцам одной руки. В ответ на просьбу назвать союзников России большинство россиян называют лишь Беларусь и Украину. Иногда — Казахстан, Францию и тот же Китай. Мы спрашиваем: «С кем России полезно вступить в союз?». И большая часть отвечают: а не надо нам никаких союзов. В известной мере многие россияне испытывают серьезное разочарование в прежней экспансии и активном международном присутствии страны во всех точках планеты и демонстрируют склонность к изоляционизму.

— Разве не печальная картина: люди не верят, что у России есть союзники, на которых она может рассчитывать? Но может быть, для России также справедливы знаменитые слова Черчилля, сказанные им про свою страну: «У Британии нет постоянных союзников, но есть постоянные интересы». Россияне хорошо видят интересы государства? Готовы ли они их защищать?

— О чем вы говорите! Национальные интересы России уже который год являются полем дискуссий политических лидеров и экспертов и до консенсуса здесь еще очень далеко. А раз у государства нет явно декларированных интересов, то что может по этому поводу сказать рядовой гражданин... Конечно, коллективное творчество отдельных рефлексирующих граждан относительно государственных интересов явно имеет место, но согласие есть, пожалуй, лишь по поводу заинтересованности в том, чтобы мир по-прежнему в больших количествах закупал наши нефть, газ и прочее сырье с металлом. А также оружие. Во всем остальном интересы страны не осознаны обществом, и мнения по этому вопросу сильно различаются.

12 »

БЕСЕДЫ С СОЦИОЛОГОМ | Дмитрий Петров

«У России нет постоянных союзников, есть постоянные ценности»

с 11-й стр. Ну скажите, какие общие интересы есть у рядового жителя Дальнего Востока, который ненавидит китайцев, но зависит от их товаров и их предприятий, тамошнего бизнесмена, одновременно увольняющего своих работников и выбивающего квоты на дешевую китайскую рабсилу, и чиновника миграционной службы, который должен блюсти неясный государственный интерес и одновременно сочетать несочетаемые интересы местного населения и бизнеса?

А раз граждане не осознают национальные интересы и тем более не видят, как они сочетаются с их личными, то и о готовности к защите этих интересов спрашивать как-то неловко.

Вообще говоря, для России я бы перефразировал Черчилля. Можно сказать, что с точки зрения населения у России нет ни постоянных союзников, ни постоянных интересов, у нас есть другое — постоянные ценности.

Чтобы не было войны

Эти ценности уже много лет едины и неизменны.

И первая и главная среди них — мир. В смысле — отсутствие войны. Россиянин относится к миру очень трепетно, и зная историю страны, это легко понять. В отличие от небезызвестного Александра Хейга (госсекретарь США времен президента Рейгана) россиянин твердо знает: нет вещи важнее, чем мир. И никакие экономические интересы не могут обосновать войны за них.

Вторая безусловная ценность — территория, точнее — ее целостность и неотъемлемость. Кто бы и что бы ни говорил о сомнительной рациональности удержания Курил, 80% опрошенных россиян постоянно заявляют: никаких продаж, Курилы наши и будут наши. Пусть японцы дают миллиарды — ни за что! То же самое мнение про Калининград. В отношении с Украиной самый болезненный вопрос для общественного мнения России не газ и не «оранжевая революция», а Крым и Севастополь. В массовом сознании неизменно сожаление о потере Аляски, хотя совершенно очевидно, что на ее освоение никакой России не хватило бы (как не хватило по-настоящему и на более близкую Сибирь). То есть территория страны — это широко и испокон века разделяемая народом ценность. В общем, чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим… Даже если она и останется пустой и неухоженной.

— Следовательно, среди ценностей должна быть и обороноспособность? Землю ведь надо охранять.

— Да. Третья ключевая ценность — непременный отпор любому агрессору. Даже совершенно «непропорциональный».

Возьмем данные о так называемых чеченских войнах, а точнее — разницу в их восприятии. К первой войне многие относились неоднозначно. Считалось, что чеченцы хотели уйти, а «мы» на них напали. Нехорошо, конечно, что уходят, не спросясь, но, в общем, «своими» же были, многие из русских с радостью ушли бы от такой новой власти, понять можно. А вот за что гибнут наши солдаты, понять было очень трудно. Ну а после Хасавюрта Чечня совсем стала отрезанным ломтем и фактически чужой страной, где могли казнить людей на улице по каким-то непонятным и чуждым нам законам.

К давнему экономическому способу порабощения к концу XX века добавилось информационное и миграционное оружие

Но вторая война — уже другое дело! Народ увидел: напали они. Атаковали «наш» Дагестан, фактически атаковали Москву (!), взрывали дома, убивали детей. Отношение резко изменилось. Мы их отпустили, а они «внаглую» на нас напали! Действия боевиков воспринимались как внешняя агрессия. И большинство было за самый суровый ответ.

То же с Южной Осетией и Абхазией. Долгое время большинство респондентов эти территории не сильно интересовали. Но атака Грузии все изменила. Пришли с мечом? От меча и погибнете. Причем в одночасье Южная Осетия стала для многих именно «нашей землей», на которой живут граждане России и служат российские миротворцы и которую надо, безусловно, защищать.

— То есть на войну ответим войной. А как с участием в миротворческих акциях за рубежом? Скажем, в контингентах ООН?

— На вопрос вроде «А не стоит ли России поучаствовать в такой-то коалиции, международных силах и т. д.?» ответ однозначный: не стоит. Это не наши территории. Афганский синдром — никаких «ограниченных контингентов» на чужих землях.

— А как же авторитет страны? Статус великой державы… Понятно, что во многом он зависит от представлений о наших внутренних делах. Но и участие в международных акциях — антитеррористических или гуманитарных — укрепляет репутацию, указывает на важную роль России в мире. И потом — это же задел на будущее. За помощь болгарам и сербам в борьбе с турками они благодарны нам и сегодня — более чем через сто лет. Говорят, ни один болгарский солдат не выстрелил по советскому во время Второй мировой войны, хотя Болгария была союзницей Германии.

— Сегодня участие России в международных делах для массы населения — вещь туманная. Подлодка в Атлантике или авианосец в Красном море — это тоже не очень ясно, но по крайней мере «круто». А смысл участия страны в контингентах ООН, конференциях и посреднических миссиях для большинства российских граждан вообще непонятен, а потому это участие не очень ценится. Вообще одна из важнейших проблем новороссийской внешней политики — абсолютное неумение да и нежелание что-либо объяснять своим же гражданам, зачем делается то или иное в области международных отношений. Взять хоть вступление в ВТО…

— Ну а «Большая восьмерка»? «Большая двадцатка»? Люди этого тоже не видят?

— Видят. Президент участвует в саммите. Но что это значит для страны (и для каждого гражданина лично!) — не понимают.

Кстати, по поводу великой державы. Социологи довольно часто спрашивают россиян: что нам или какой-то другой стране дает право так называться? Так вот главным отличительным признаком великой державы, с точки зрения населения, являются экономическая мощь страны и благосостояние ее граждан. Понятно, что у россиян нет иллюзий относительно нашего экономического могущества. Каждый раз обменивая рубли на доллары или покупая подержанные иномарки, россияне ясно осознают степень нашего несоответствия статусу великой страны. Спасает только то, что вторым в рейтинге признаков «великости» идут военная мощь и обладание ядерным оружием. Здесь мы пока еще многим можем дать фору и показать «кузькину мать». Хотя и ядерный статус скоро не будет являться столь уж редким…

Любовь и страх

— А россиянам важно, как к ним относится мир? Хотят ли они, чтобы нас — россиян — уважали и любили? Хотели бы к нам ехать… Или это все равно?

— Наши люди не жаждут принимать зарубежных гостей. Если «при Советах» иностранцам искренне хотели дать и показать все самое лучшее, то теперь этого нет.

А вот как наших встречают там — это важно. Даже для тех, кто сам никогда никуда не ездит. Сейчас многие возмущаются: как это так, нас нигде не любят, нам нигде не рады?! (Если, конечно, не считать «радушие» турок и египтян, купленное миллионами «пляжных» долларов.) Чем же мы нехороши? Ответ, конечно, надо искать в себе, и он будет явно неприятен. Ведь очень часто именно от наших туристов приходится слышать: «Ой, были на классном курорте — русских практически нет». Может, в этом и секрет: сами себя не любим и не уважаем, так же ведем себя относительно лиц из иных стран. Так чего же мы ждем от других? Кстати, давно воспитанное неуважение к внешнему миру и загнанный в подсознание страх перед ним часто компенсируются мыслью: не любят, так пусть боятся! Вот и получается, что у наших граждан к так называемому цивилизованному миру либо обожание до заискивания, либо неприязнь до ненависти. А вот чтобы просто спокойное отношение с достоинством, так это в дефиците. Неадекватное отношение и поведение, кстати, подрывают все многобюджетные усилия по формированию позитивного имиджа России в мире. Ведь никакая пропаганда «через ящик» не поколеблет восприятия страны, формируемого непосредственным общением с ее людьми и товарами из нее.

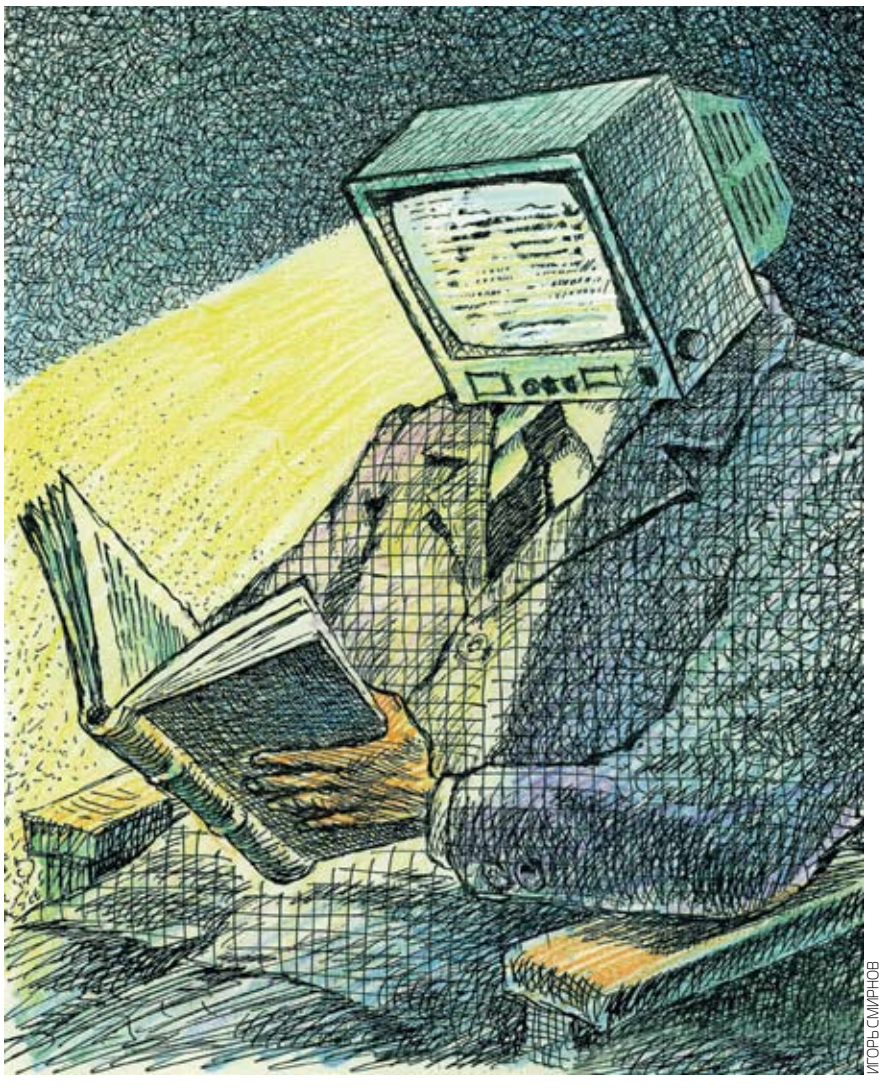
— Напрашивается параллель между отношением к миру в России и в США. Среднего американца тоже мало волнует происходящее вне страны, если только не нужно посылать войска. И ему вооруженная защита интересов США близка, если она — ответ на агрессию (вспомним Перл-Харбор или террористическую атаку 11 сентября 2001 года, обосновавшую вхождение в Афганистан). И еще. Американец много лет боялся красной России, ее ракет и атомных бомб. И советские люди очень боялись ядерной войны и со школы готовились к тому, как надо вести себя при атомном нападении «вероятного противника», которым были США. Но думаю, сегодня американцы не боятся России. А для россиян США по-прежнему враг. Почему?

— Американцы, наверное, не боятся России как серьезно ослабленного противника. Но восприятие России именно как противника, пожалуй, остается.

И россияне уже существенно реже опасаются атомной войны. Большинство россиян считают полномасштабное боевое противостояние России и США как почти невероятное. И тем не менее США — противник. Во-первых, потому, что США все последние годы продолжают учить нас жить, учить демократии и свободе, а мы этого не любим. Во-вторых, потому, что мы уже много раз видели, как может быть продолжено такое «образование», а военные действия США в Сербии и Ираке однозначно оценивались большинством россиян как агрессия. В-третьих, США постоянно поддерживают наших недругов: то Грузию, то Польшу и т. п., а как известно, друг моих врагов — мой враг.

— И что, россиянин боится нападения? Актуален ли для него страх перед большой войной?

— Уже два поколения наших граждан живут последовательно при «разрядке», «мирном сосуществовании», «коллективной безопасности» и прочих режимах, обеспечивающих мир. К миру привыкли, он считается само собой разумеющимся состоянием. Мы давали людям список из 25 угроз и просили оценить их вероятность и степень беспокойства по этому поводу. В итоге вероятность ядерной войны оценивается как низкая, и страх перед ядерным конфликтом существенно уступает страху безработицы и обнищания, терроризма, техногенных и природных катастроф и тому подобных «актуальных» угроз.



ИГОРЬ СМИРНОВ